

Глава 38. Причина для улыбки

Что именно означала эта улыбка, пока оставалось загадкой, но она, без сомнения, воодушевила их после тяжёлого рабочего дня.

Пока вокруг никого не было, Се Юньчжу вместе с Ми Янем ещё раз тщательно осмотрел территорию.

Общежитие круглосуточно находилось под крышей, поэтому отличить день от ночи было невозможно. Единственным источником света служила круглая лампа на стене, тускло светившая из-за скопившихся внутри трупов насекомых — луна для заключённых.

Стена, окружавшая общежитие, была высотой около трёх метров, но на ней, на удивление, не было ни колючей проволоки, ни камер наблюдения. Се Юньчжу подсадил Ми Яня, подставив плечо, чтобы тот смог заглянуть наверх.

— Снаружи — зловонная река, а здесь, на берегу, — сплошные заводы, — доложил Ми Янь.

— Река широкая? Что на том берегу?

— Конца не видно, вдаль всё в тумане. По реке много всего плывёт... — Ми Янь, напрягая своё превосходное зрение, вгляделся вдаль. — Мусор, рыба, птицы... и люди в воде плавают...

— Это, наверное, трупы... — вздохнул Се Юньчжу, приложив руку ко лбу.

Туман на том конце реки, скорее всего, был границей подземелья. Побег по воде казался плохой затеей. В реку стекали промышленные стоки с прибрежных заводов, а вдобавок к мусору и трупам... кто знает, какой элемент таблицы Менделеева можно было подхватить, глотнув такой водички.

— Нет, они стоят в воде и двигаются... — Ми Янь не согласился, но не смог подобрать нужных слов. Се Юньчжу протянул ему телефон, чтобы тот снял видео.

Увидев запись, Се Юньчжу наконец понял, в чём дело, и почему Ми Янь не мог это описать. Картина была настолько жуткой, что выходила за пределы человеческого понимания.

Во-первых, это было бескрайнее, туманное море, уходившее в серую мглу. По его поверхности дрейфовал всевозможный мусор: туши птиц и зверей, предметы мебели и быта, а вместе с ними — группа живых людей.

Да, живых. По пояс в воде стояли живые люди. Мужчина в костюме торопливо шёл по воде, непрерывно разговаривая по телефону; за плавающим столом сидели четверо и играли в

маджонг; женщина бесцельно бродила вокруг, с каменным лицом потягивая из бутылки, хотя та давно была пуста. Большинство же просто дрейфовали на поверхности, устремив остекленевшие взгляды в небо.

Птицы тоже были живы, но, как и люди, лишь бесцельно плавали.

То ли от долгого пребывания в воде, то ли из-за тумана, все эти люди и предметы утратили свой цвет, став мертвенно-серо-белыми. Если на фабрике они были живыми, но немного мёртвыми, то те, что в воде, — мёртвыми, но немного живыми. Один лишь пристальный взгляд на это видео вызывал у Се Юньчжу головокружение, словно его затягивало в глубокий омут.

— Выглядит ещё опаснее, чем на фабрике, — одного взгляда хватило, чтобы Се Юньчжу отказался от идеи побега по воде. Он не знал, какое проклятие лежало на тех людях, но предполагал, что, окажись он в воде, его участь была бы не лучше.

Значит, единственный выход — через главные ворота цеха, которые круглосуточно охраняло множество вооружённых роботов-охранников, куда более усердных, чем тюремщики. Работа выжимала из них всё время и силы, не давая ни единой передышки.

К тому же, качество товарищей по команде в этот раз оставляло желать лучшего. Будь здесь А Си и Фу Ю, можно было бы что-то придумать и действовать сообща — если бы, конечно, сам Фу Ю не стал источником проблем. А его нынешние товарищи, одержимые сверхурочной работой, были способны лишь безжалостно его «законкурировать».

Конечно, людей можно использовать не только как союзников, но и как инструменты. Однако, чтобы раскрыть и использовать их потенциал, требовалось длительное наблюдение и выстраивание отношений... Одна мысль об объёме этой работы заставляла закатывать глаза.

Внезапно Се Юньчжу пришла в голову идея. С видом «а ну-ка, проверю тебя» он спросил Ми Яня:

— Судя по тому, что мы видели, кто, по-твоему, самый ценный для сотрудничества?

Ми Янь, не подозревая о подвохе, простодушно ответил:

— Не знаю.

— Не знаешь? — Се Юньчжу тут же нахмурился и принялся его отчитывать. — У тебя такие большие глаза, чтобы электричество вырабатывать?

Ми Янь не только не знал, но и смутно помнил, как выглядят и как зовут остальных. Он моргнул своими огромными глазами, выработав три ватта электричества.

— Мне достаточно смотреть только на тебя.

— Пушистик, — Се Юньчжу положил ладонь ему на плечо и сказал с отеческой интонацией, — наблюдение и понимание товарищей по команде — это очень важно. Если ты не знаешь их способностей и особенностей, как ты сможешь их использовать? Кому доверить спину в опасности, кого остерегаться, кого подставить под удар, за чью ногу ухватиться... это целая наука. Если ты не будешь стараться, как ты сможешь мне помочь?

Слушая его, Ми Янь виновато опустил голову.

— Прости...

Ребёнок был таким доверчивым, что Се Юньчжу даже почувствовал укол совести и смягчил тон:

— Посмотри на себя, ты такой милый, любой при виде тебя потеряет бдительность. Ты не используешь такое преимущество, неужели хочешь, чтобы я занимался общением?

Ми Янь задумался и согласился. Если его А Чжу начнёт общаться с другими, они тут же в него влюбятся! Чем больше людей полюбят А Чжу, тем больше угроз для него самого. Как он раньше об этом не подумал!

Он твёрдо решил, что будет внимательно следить за всеми и пресекать любую угрозу в зародыше!

— Да, я буду стараться!

— Вот и посмотрим, как ты себя проявишь.

Около десяти часов вечера Се Юньчжу вернулся во дворик и увидел, что иностранец Майкл сидит на ступеньках, обхватив колени руками. Лицо его было омрачено печалью.

Ми Янь неожиданно сам подошёл к нему и участливо спросил:

— Дядя, что с вами?

Это был первый раз с начала игры, когда ребёнок заговорил первым. Майкл был немного ошарашен.

— Малыш, — вздохнул он, — мне кажется, я потерял что-то очень важное.

Как и ожидалось, он тоже что-то заметил. Для человека, который по натуре своей любит смеяться, это чувство утраты было особенно острым. Ми Янь взглянул на Се Юньчжу, и тот кивнул.

Ми Янь подробно объяснил Майклу природу «смеха», а затем, широко улыбнувшись, сказал:

— Смотри, вот так.

— Damn! Так вот почему я весь день не мог нормально выразить эмоции! — воскликнул Майкл, осознав. Он тут же напряг мышцы лица и разразился громким хохотом. — Ха-ха-ха, вот так! Вот так, да!

— Осторожнее, пока не шуми, — сказал Се Юньчжу. — Не дай сестре Кун поймать тебя, если не хочешь получить винт в губу.

Услышав это, Майкл тут же прикрыл рот рукой и, воровато оглядываясь, стал похож на провинившегося школьника.

— Я просил тебя улыбаться, а не превращаться в посмешище, — Се Юньчжу принялся записывать всё, что связано со смехом, в блокнот, телефон, на землю — везде, где только можно. В качестве тренировки для укрепления памяти он неуклюже растягивал губы, снова и снова пытаясь улыбнуться.

Майкл тоже начал суетиться и, обернувшись, увидел его холодное лицо с натянутой улыбкой. Он подпрыгнул от испуга.

— Oh My God!

— Что? — губы Се Юньчжу тут же опустились.

— Номер шесть, я уж было подумал, что у тебя приступ!

На лбу Се Юньчжу вздулась вена. Он схватил тапок Чжан Байшаня и швырнул его в задницу Майкла.

— Заткнись.

— Ха-ха-ха... — жизнерадостный Майкл, хохоча, спрятался за стойку кровати.

«Очень красивая улыбка...» — пробормотал Ми Янь. Его А Чжу был прекрасен в любом виде, это у Майкла не было вкуса. Однако Се Юньчжу услышал его бормотание, и в задницу Ми Яня

прилетел второй тапок.

— Не притворяйся, это бесполезно, — Се Юньчжу поманил Майкла. — Майкл, попробуй вспомнить что-нибудь радостное. Ты должен улыбнуться искренне.

Искреннюю улыбку от фальшивой отличить было легко. От настоящей исходили сверкающие частицы, а улыбка Майкла, как и его собственная, вымученная, не давала никакого сияния.

— Радостное событие... — Майкл подошёл, лишь убедившись, что в руках у Се Юньчжу нет тапка. Он потёр щетину и, задумавшись, вдруг засиял и улыбнулся. — Я вспомнил свою жену. Когда я думаю о ней, я не могу не улыбаться...

Он поднял глаза на Се Юньчжу, но улыбка его была странной.

— Знаешь, все говорят, что её не существует. Только я верю, что у меня есть жена-китаянка. Одна мысль о ней делает меня самым счастливым человеком на свете.

Рассеянные мысли Се Юньчжу вернулись, и он пристально посмотрел на Майкла.

— У тебя есть жена?

Майкл выглядел неопрятно, как холостяк, да и его слова звучали очень странно.

— Конечно. Я не знаю, кто она, как она выглядит, и у меня нет никаких доказательств её существования. Все считают меня сумасшедшим, — Майкл пожал плечами. — Но знаешь, восемь лет назад я жил в Америке, у меня была хорошая работа в университете, я любил своих родителей и сестру, свой родной город и общину...

— Тогда я ничего не знал о Китае. Но без всякой причины, после Великого Катаклизма, я приехал сюда, усердно учил язык, нашёл работу, даже купил дом и изучил кучу всего о воспитании детей!

— Я хорошо себя знаю. Ничто, кроме любви, не могло заставить меня так измениться! Если бы не любимая девушка, разве я бы покинул семью и переехал в чужую страну? — Майкл схватился за волосы. — Я чувствую, что она существует, но у меня нет доказательств, нет воспоминаний. В моей жизни не хватает очень важной части, так же, как и «смеха»...

— То, что «у тебя есть жена», невозможно доказать, но можно опровергнуть, — выслушав его, спокойно заметил Се Юньчжу. — Судя по твоим доводам, кроме любви, я могу предложить как минимум четыре более правдоподобных объяснения.

— Шестой, ты не понимаешь, — Майкл сокрушённо сжимал волосы. — Это чувство, будто из

сердца вырвали кусок, ни с чем не спутаешь, ты не понимаешь...

Се Юньчжу замолчал. Чувство, будто из сердца вырвали кусок, было ему знакомо, возможно, лучше, чем кому-либо другому.

После долгого молчания он медленно произнёс:

— У меня то же самое.

— Что? — удивлённо поднял голову Майкл.

— Когда я не думаю об этом, мне кажется, что у меня вполне логичные и полные воспоминания, — медленно говорил Се Юньчжу. — Но стоит мне задуматься, и я нахожу бесчисленные логические дыры и моменты, которые приходится самому себе объяснять — словно моя жизнь была выдумана неумелым автором.

Он говорил это не только для того, чтобы завоевать доверие товарища по команде, но и из-за странного чувства родства душ.

— Что, и у тебя тоже... Шестой, я понимаю твою боль, мы оба пострадали! — Майкл похлопал его по плечу. — Все говорят, что это радиация после Великого Катаклизма повлияла на нашу память, но я не верю. Потому что искажена не только наша память, но и вся реальность!

— Поэтому я и пришёл в игру, чтобы найти ответ, — Майкл схватил его за плечи. — Я должен доказать, что моя жена существует. Возможно, я единственный, кто ещё помнит о ней. Может быть, она где-то ждёт меня, поэтому я должен её найти! Шестой, это единственное, что приносит мне радость.

— Да, главное — не забывать, — Се Юньчжу позволил ему сжать свои плечи, говоря это и ему, и себе. — Это единственный способ нашего существования.

Майкл замер. Он не был уверен, улыбнулся ли в тот момент этот холодный темноволосый мужчина, но в уголках его слегка приподнятых губ он увидел мерцание звёзд.

/

После одиннадцати вечера «передовики производства» стали понемногу возвращаться. Майкл встретил их с улыбкой, чем всех напугал.

— У тебя что, лицевой нерв защемило? — Незнакомое и необъяснимое всегда пугает.

— Ты с ума сошёл... зачем ты так делаешь?

Майкл выпрямился и серьёзно объявил:

— Друзья, позвольте мне торжественно представить вам это выражение лица, которое называется «улыбка». Я и сам раньше недоумевал, но 6-й номер объяснил мне, что мы все потеряли способность улыбаться. А теперь давайте все подумаем, что может принести вам искреннюю радость, и, подражая мне, попробуем вернуть себе «улыбку».

Цяо Чуньин задумалась, достала свой старенький, почти разряженный телефон, включила видео и стала смотреть его вместе с мужем. На экране был пухлый мальчик с набитыми щеками, который сидел за столом и уплетал за обе щёки, весь измазавшись в жире. На видео слышался смеющийся голос Цяо Чуньин: «Сяо Бао, ешь помедленнее, еды ещё много!»

Мальчик икнул.

— Мама готовит... ик... вкуснее всех, я всегда буду есть мамину еду!

— Ох, а если мама устанет?

— Тогда буду есть папину, папа тоже вкусно готовит!

На видео вся семья громко рассмеялась.

Глядя на экран, Цяо Чуньин и её муж тоже слегка улыбнулись. Чем дольше они смотрели на сына, тем милее он им казался.

Линь Чжэньюэ мельком взглянула и, верная своей язвительной натуре, холодно усмехнулась:

— О, это ваш сын?

— Да, мы с мужем поздно его завели, — улыбаясь, сказала Цяо Чуньин, но её лицо омрачилось. — С детства хорошо ел, рос высоким и крепким, никогда не болел... А потом, не знаю почему, у него обнаружили боковой амиотрофический склероз... Мы возили его по врачам, но все говорили, что это неизлечимо, и он будет становиться всё слабее...

— А потом один наш хороший знакомый, у которого ребёнок тоже болел, не знаю как, но вдруг вылечился! — в глазах Чжан Байшаня зажглась надежда. — Мы долго его просили, и он рассказал нам, как попасть в игру.

Линь Чжэньюэ на мгновение замерла, её язвительная улыбка исчезла.

— Неудивительно, что вы так усердно работаете... — вздохнула она.

Многие приходили сюда не за богатством и славой, а чтобы бросить вызов неумолимой судьбе.

— У нас только один ребёнок, что ещё остаётся делать, — махнул рукой Чжан Байшань, подбирая свои тапки, которые почему-то оказались разбросаны. — Пойду спать, завтра рано вставать.

Хотя он, благодаря подсказке, и вернул себе улыбку, его не заботили тайны подземелья. Он знал лишь одно: работать, чтобы заработать деньги и как можно скорее спасти своего сына.

Остальные тоже разошлись по своим комнатам. Многие посчитали, что от этой «улыбки» больше проблем, чем пользы.

Майкл огляделся.

— А где Ши И?

— Опять, наверное, в своей комнате пьёт, — скривилась Линь Чжэньюэ. — Со вчерашнего вечера не просыхает.

Майкл почесал затылок.

— Ну, тогда я завтра утром расскажу ей про «улыбку».

— А смысл? — презрительно бросила Линь Чжэньюэ. — Эта никчёмная через пару дней вылетит.

Сказав это, она тоже ушла в свою комнату.

— Хи-хи...

Майкл стоял во дворе и, возможно, от переутомления, ему показалось, что он слышит смех, хотя все уже разошлись. Он зябко повёл плечами и посмотрел в ту сторону, откуда доносился звук. Его взгляд упал на ржавую железную дверь.

Это была маленькая комната рядом с ванной, всегда запертая. Никто не знал, для чего она.

Он нерешительно подошёл и толкнул дверь. Та не поддавалась, лишь замок загремел.

«Наверное, показалось. Может, это просто ветер».

Подойдя ближе, он заметил, что щель под дверью была довольно большой, почти с кулак. Если лечь на пол, можно было бы заглянуть внутрь.

На одной лишь сверхурочной работе он не сможет обойти остальных, поэтому нельзя упускать ни одной детали. Возможно, ключ к прохождению подземелья был именно там. Он должен был постараться, заработать достаточно наград, чтобы узнать правду об исчезновении своей жены.

Затаив дыхание, Майкл опустился на колени, прижался головой к полу, включил фонарик на телефоне и посветил в щель.

Он действительно что-то увидел. Тёмная масса... похожая на человеческие волосы, слева разбросанные по полу, а справа скреплённые розовой пластиковой заколкой-бабочкой.

«Может, эта комната — парикмахерская?»

Обзор был слишком узким. Майкл прищурился и придвинулся ближе. Не то оттого, что у него дрожала рука с телефоном, не то... сухие волосы, казалось, шевелились... Нет, они точно шевелились!

Волосы разошлись в стороны, продолжая опускаться вниз, и Майкл увидел границу, где они переходили в кожу. Это, должно быть, была линия роста волос.

«Хм, у этого человека довольно высокая линия роста волос... Нет, не в этом дело, дело в том, что её волосы находятся под кожей лица...»

«Этот человек, должно быть, лежит на полу и, запрокинув голову, смотрит на меня... Нет, такая поза слишком неестественна, разве что сломать шею и прижать затылок к спине. Значит, есть другая возможность — эта женщина стоит на руках!»

Сердце Майкла подскочило к горлу. Не успел он никак среагировать, как лицо опустилось ещё ниже, и он внезапно встретился взглядом с глазами этой женщины.

Стоящая на руках женщина молча смотрела на него через щель под дверью.

Но её глаза были двумя абсолютно чёрными дырами.

<http://bllate.org/book/15884/1589178>